

УДК 811.1/8

doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/03

Хусейнов Д.Д., Коростелева Л.В.

КОНЦЕПТ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В контексте нашей многонациональной и многоконфессиональной страны сегодня, когда наиболее остро стоят вопросы межкультурного и межнационального взаимодействия, особую актуальность получает изучение таких политических концептов, как «толерантность», которые во многом и определяют способы взаимодействия непохожих друг на друга людей. Целью исследования и является изучение концептуального значения понятия «толерантность» посредством ранее не использованного для этого метода исследования – развертывания предложения на базе данных слов; подвидом направленного ассоциативного эксперимента. В статье описаны результаты эксперимента со словом-стимулом «толерантность». Реакции были проанализированы с точки зрения их коммуникативной направленности, и в этом мы опирались на диалогическое понимание ассоциативного эксперимента, заявленное Ю.Н. Карауловым. Также результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента были сопоставлены с уже описанными результатами анализа медиа-дискурса и результатами свободного ассоциативного эксперимента. Исследование показало двухкомпонентную структуру концепта «толерантность»: в нём сочетаются, с одной стороны, идеологическое, ценностное содержание и, с другой стороны, поведенческое, нормирующее содержание. Доминирующим является именно ценностный компонент. В рамках же поведенческой толерантности отдельно выделяется коммуникативный аспект. Также была определена разница в коммуникативном поведении в рамках направленного ассоциативного эксперимента мужчин и женщин – последние чаще, нежели первые, заявляли о своей собственной позиции. На коммуникативное поведение респондентов также, по всей видимости, оказывает влияние и специфика самого слова-стимула: в нашем случае респонденты больше говорили о своём отношении к нему, нежели описывали его.

Ключевые слова: направленный ассоциативный эксперимент; толерантность; концепт; обыденное сознание; медиа-дискурс.

Сведения об авторах: 1) Хусейнов Джемшад Джурраевич, студент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета; 2) Коростелева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета, ORCID ID: 0000-0003-4372-0190.

Контактная информация: 1) 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: dhuseinov4@gmail.com; 2) 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(912)9397628; e-mail: klimovalar@inbox.ru

D.D. Khusejnov, L.V. Korosteleva

CONCEPT OF “TOLERANCE” IN THE MODERN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Abstract. Today, the issues of interethnic and interfaith interaction in our country are quite acute, therefore, the study of political concepts that determine the ways of interaction between different people is relevant. One of these concepts is “tolerance”. The purpose of this study is to study the conceptual meaning of the concept of “tolerance” using the research method of sentence deployment. This method has not been used before to study the concept of “tolerance”. The article describes the results of an experiment with the stimulus word “tolerance”. The reactions were analyzed from the point of view of their communicative orientation, and in this we relied on the dialogical understanding of the associative experiment, stated by Y.N. Karaulov. Also, the results of our associative experiment were compared with the already described results of the analysis of media discourse and the results of a free associative experiment. The study showed a two-component structure of the concept of “tolerance”: it combines, on the one hand, ideological, value content and, on the other hand, behavioral, normalizing content. It is the value component that is dominant. Within the framework of behavioral tolerance, the communicative aspect is singled out separately. The difference in communicative behavior was also determined within the framework of a directed associative experiment of men and women – the latter more often than the former declared their own position. The communicative behavior of respondents is also likely to be influenced by the specifics of the stimulus word itself: in our case, respondents talked more about their attitude to it than they described it.

Keywords: directed associative experiment; tolerance; concept; everyday consciousness; media discourse.

Сведения об авторах: 1) Khusejnov Dzhamshe Dzhuraevich, student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University; 2) Korosteleva Larisa Vladimirovna, candidate of Philology, Associate Professor, Nizhnevartovsk State University, ORCID ID: 0000-0003-4372-0190.

Контактная информация: 1) Nizhnevartovsk, Mira str, 3B, room 305; Tel.: 8(3466)273510; e-mail: dhuseinov4@gmail.com; 2) Nizhnevartovsk, Mira str, 3B, room 305; Tel.: 8(912)9397628; e-mail: klimovalar@inbox.ru

---

Хусейнов Д.Д., Коростелева Л.В. Концепт «толерантность» в современной языковой картине мира // Нижевартовский филологический вестник. 2024. №1. С. 70-81. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/03>

Khusejnov D.D., Korosteleva L.V. (2024). Concept of “Tolerance” in the Modern Linguistic Picture of the World. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 70-81. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/03>

В современной лингвистической науке значение слова понимается как «...многокомпонентная структура, состоящая из более дробных, чем значение, единиц», причём структура эта является неоднородной, но иерархически организованной (Петренко 2010: 50). Одним из методов, позволяющих выявить семантическую структуру слова и определить отношения между её элементами, является ассоциативный эксперимент (АЭ). Он позволяет описать ту или иную языковую единицу с позиции носителя языка, то есть с точки зрения того, как она функционирует в речи реальных людей (Краснова 2023: 55). Данное свойство АЭ определяется его диалогической сущностью. Он, как писал Ю.Н. Караулов, является «квазидialogом» экспериментатора с респондентом, в качестве «реплик» в котором выступают стимул и реакция, реализующая ту или иную коммуникативную тактику отвечающего (Караулов 1996: 9).

В абсолютном большинстве ассоциативных экспериментов ответные реплики являются сокращёнными из-за условий задания – от респондентов требуется дать одно слово. Это, как отмечает Ю.Н. Караулов, не более чем «техническая условность, призванная облегчить проведение эксперимента» (Караулов 1996: 2). Однако синтаксическая взаимосвязь в той или иной форме между стимулом и реакцией всё равно сохраняется. По сути своей, стимул и реакция являются членами одних и тех же синтаксических единиц, которые когда-то прошли через респондента. Коммуникативная тактика, реализуемая респондентом, то есть то, что он хочет сказать своей репликой, может быть реконструирована за счёт восстановления синтаксической связи между стимулом и реакцией. Например, в паре стимул-реакция «доклад – рассказ о чём-либо» реализуется номинативная тактика и представляет собой термин и его дефиницию (Караулов 1996: 11): ср. «доклад – это рассказ о чём-либо». Помимо указанной тактики Ю.Н. Караулов выделил: 1) предикативную, направленную на приписывание предмету признака («вещь – нарядная»; «ЭВМ – сломалась»); 2) локативную – обозначение причинности, принадлежности, предназначённости («желуди – от дуба»); 3) тактику скрытой предикации («сахара – верблюды»); 4) оценочную тактику («аппетит – плохой») (Караулов 1996: 13).

Во всех этих случаях исследователь сам, с опорой на собственную языковую интуицию, восстанавливает синтаксические связи между стимулом и реакцией, и в связи с этим возникают некоторые проблемы. Например, в приведенном примере «аппетит – плохой» сам исследователь увидел оценочную тактику, однако здесь можно также увидеть и предикативную тактику: ср. с фразой «плохой аппетит». Становится не совсем понятным, что здесь важнее оценка или предикация.

Вместе с тем существуют и другие формы ассоциативного эксперимента, не ограничивающие реакции одним словом или словосочетанием. Таковым, например, является один из видов направленного ассоциативного эксперимента – развёртывание предложения на базе данных слов (Борисова 2019: 267). В таком АЭ отвечающий самостоятельно включает стимул в те или иные синтаксические структуры. В получаемых реакциях-предложениях синтаксическая связь с другими словами уже дана исследователю, а потому и с большей степенью однозначности можно говорить о реализуемой в ней коммуникативной тактике. В основе же обработки и интерпретации результатов АЭ лежит классификация всех реакций по тем или иным критериям (Архипова 2011: 7). Большая степень ясности в том, что касается коммуникативной тактики респондента, позволит составить более детальную классификацию, а значит и точнее охарактеризовать семантическую структуру изучаемого слова.

Применение данной методики к изучению концепта «*толерантность*» позволит, на наш взгляд, лучше понять тот набор смысловых единиц, что его составляют. В контексте нашей многонациональной и многоконфессиональной страны и в контексте сегодняшней политической ситуации, когда наиболее остро стоят вопросы межкультурного и межнационального взаимодействия (Чаптиева 2023: 133), такое подробное изучение концепта «*толерантность*» является крайне актуальным.

Эксперимент проводился следующим образом. В анкете мы просили наших респондентов составить одно предложение со словом «толерантность». При этом было разрешено менять форму слова, то есть степень свободы респондентов была максимальна – они могли подобрать такое лексическое окружение и поставить слово-стимул в такое положение, которое посчитали нужным. Отметим, однако, что такая возможность привела к тому, что респонденты не только меняли форму слова, но и использовали в своих реакциях однокоренное прилагательное «толерантный». Мы не стали удалять такие анкеты как брак, поскольку признак, указанный данным словом, лежит в основе лексического значения образованного от прилагательного слова «толерантность» и тоже может отражать концептуальное значение понятия «толерантность», и включили их в общий подсчет. Таким образом, выборку составили 54 реакции от 17 мужчин и 37 женщин возрастом в диапазоне от 17 до 66 лет.

Отталкиваясь от коммуникативной тактики, реализуемой в реакциях, мы классифицировали их следующим образом:

Таблица

Классификация реакций-предложений в соответствии с коммуникативной тактикой

Название группы	Количество случаев	Процентное выражение
Ценностные суждения	14	25,93%
Определения	10	18,52%
Констатации положения	4	7,41%
Личные характеристики	7	12,96%
Повествования	9	16,67%

Отрывочные примеры употребления	6	11,11%
Прочее	4	7,41%

Первую группу, наиболее крупную (14 реакций; 25,93%), составляют предложения, выражающие идеологическую позицию отвечающего, и потому названные **ценностными суждениями** (ЦС). Большинство реакций-ЦС носят предписывающий характер и либо выражают открытое требование быть толерантным («В 21 веке, каждый человек должен быть толерантным»¹), либо говорят о ее желательности («Хотелось, чтобы люди и мир стали более толерантными»). Всего подобных реакций 8, что составляет 57,14% среди всех ЦС. Другие реакции ничего не предписывают, но лишь говорят о позитивности толерантности: «Толерантные люди – это цветы общества, среди сорняков». Таких реакций – 5, и они составляют 35,71% в рамках группы ЦС. Одна реакция (7,14%) характеризует толерантность как нечто отрицательное, но говорит не столько о самом явлении или понятии, сколько о термине, его обозначающем: «Не терпим слово толерантный, лучше использовать синонимы».

Реакции, включенные в другую группу, являются **определениями**, которые респонденты дают понятию «толерантность»: «Толерантность – это терпимость, а не уважение»; «Толерантное отношение к людям, к сожалению, исключает уважение». От общего числа ответов определения составляют 18,52% (10 случаев). Интересно, что оба приведённых примера разделяют понятия «терпимость», сближая его с толерантностью, и «уважение», отделяя его от одной. Но сам факт актуализации обоих понятий в рамках одной пропозиции со словом «толерантность» говорит о том, что все они в русскоязычном сознании находятся в одной понятийной сфере; индивидуальное различие составляет то, определяются ли эти отношения как антонимические или же как синонимические («Толерантность, как и уважение начинается с себя»).

Есть два факта, говорящих в пользу того, что для большинства респондентов связь между толерантностью и уважением является синонимической: во-первых, в свободных ассоциативных экспериментах, проводимых другими исследователями, обязательно актуализируется лексема «уважение» или однокоренные ей слова, например, в одном из них таких экспериментов подобных реакций – 28 (Матюшина 2017: 176), а в другом, в общей сложности, – 21 (Тренина 2021: 86); во-вторых, нами при анализе данных медиа-дискурса также была установлена семантическая близость слов «уважение» и «толерантность» (Клычев, Хусейнов 2023: 123).

Помимо определений концептуальных, примеры которых уже приведены, присутствуют и определения, предписывающие, нормативные: «В современном мире толерантный человек – это тот, кто обязан терпеть все, что угодно, иначе его назовут угнетателем чьих-то прав» и «Толерантный человек никогда не оскорбит человека другой

¹ Во всех приведённых примерах реакций сохранены авторская пунктуация и орфография.

ориентации». Две эти реакции, по-разному оценивая толерантность как таковую, определяют нормы поведения для *толерантного человека*.

Следующую группу мы условно назвали *констатации положения* (КП). В неё входят те, реакции, что описывают реальное положение дел в обществе. В общем числе реакций они составляют малую долю – 4 случая (7,41%). Характеризуя современный мир, респонденты дают прямо противоположные оценки: ср. «*В наше время отсутствует толерантность*» и «*Наше общество становится более толерантным*». Однозначно понять из ответов определяют ли респонденты эти тенденции как позитивные или негативные невозможно, но одна реакция описывает толерантность скорее в отрицательном ключе: «*Сегодня очень модно быть толерантным к различным проявлениям всего, что выходит за рамки понятия “нормальный”*», где толерантность соотносится с некой актуальностью, модой на нечто «ненормальное», выходящее за рамки разумного.

Ряд реакций описывает собственную позицию респондента, но в отличие от ЦС, эти высказывания являются скорее *личными характеристиками* (ЛХ) респондентов, описывающих их собственное поведение и отношение к другим людям: «*Я могу считать себя толерантным человеком*»; «*Я толерантно отношусь к людям разных национальностей*». Всего таких реакций 7, то есть 12,96% от общего числа реакций.

Личная позиция респондента заявляется, как уже отмечалось, и в реакциях-ЦС, а также в реакциях-определениях. В их формулировках она заявляется косвенным образом через соотнесение толерантности с другими словами и явлениями: ср. «*В современном мире толерантный человек – это тот, кто обязан терпеть все, что угодно, иначе его назовут угнетателем чьих-то прав*» и «*Толерантный мир это тот мир, где человек может не бояться быть человеком*». В совокупности ЦС, ЛХ и определения составляют 55,56%.

Вероятно, актуализация подобного рода реакций является следствием двух факторов: 1) политической окрашенности слова-стимула, побуждающей респондентов определять собственное отношение к тем или иным явлениям; 2) отмеченной выше, диалогической сущностью АЭ, что для нашего эксперимента актуально вдвойне, так как респондент имеет возможность вместо одного слова, написать целое предложение – таким образом, анкета ассоциативного эксперимента создаёт коммуникативную ситуацию, в рамках которой у респондентов появляется возможность полноценно заявить о собственной позиции.

Преобладание этих групп, в особенности ЦС, говорит о самой структуре понятия «толерантность». Исследователи определяют толерантность, как «качественную характеристику социального взаимодействия», то есть как некую модель поведения. Вместе с тем мы можем сказать, что за понятием «толерантность» стоит ряд ценностей таких, как *равноправие*, актуализируемые в САЭ (Тренина 2021: 86). Поведенческие установки и идеологические ценности, вместе составляющие понятие «толерантность», являются двумя его взаимосвязанными, но не идентичными компонентами. Судя по результатам нашего эксперимента, идеологический компонент является немного более значимым.

Присутствует также группа реакций, характеризующих именно поведенческий аспект толерантности. Эти реакции были названы нами *повествования*, так как они представляют собой предложения, описывающие некую вымышленную ситуацию и выглядящие как отрывки текста, не вошедшего в ответ: «*Говоря так, они поступали толерантно*»; «*Вы абсолютно не толерантный человек, поэтому у нас не получится построить диалог*». Всего повествовательных реакций – 10 (18,52%). О.А. Михайлова говорит о толерантности как коммуникативной категории, чья основная функция заключается в том, чтобы обеспечить «...гармоничное бесконфликтное общение...» (Михайлова 2015: 35). О важности коммуникативного аспекта поведенческой толерантности свидетельствует актуализация в приведённых примерах полупредиката «говоря» и дополнения «диалог».

В целом, похожими на повествования являются реакции группы *отрывочные примеры словоупотребления* (ОПС), однако отличаются тем, что не образуют полноценной пропозиции, но являются скорее словосочетаниями разной степени сложности: «*быть толерантным вне зависимости от своих убеждений*» или «*толерантная женщина*».

Также была выделена группа *прочее*. В нее вошли реакции, которые в рамках составленной нами классификации, не могут быть однозначно отнесены к какой-либо группе, и потому они вынесены в отдельную, например, «*Самое толерантное животное - хамелеон*».

Многие реакции указывают на того, кто может проявлять толерантность, или на того, по отношению к кому она проявляется. Здесь мы говорим об определённом типе референций, возникающих в связи с актуализацией понятия «*толерантность*». Первую группу референтов можно назвать *субъектами проявления толерантности* (СП); вторую – *субъектами восприятия толерантности* (СВ). Реакций, содержащих подобные референции, значительно больше, нежели реакций, в которых они отсутствуют – 77,78% (42 реакции) против 22,22% (12 реакций).

Быть толерантным или нетолерантным может, например, законодательство: «*Слишком уж толерантное законодательство было в этом государстве!*» (повествование); фильм: «*Фильм вышел... ТоЛеРаНтНыМ...*» (повествование); мир или отдельная страна: «*Толерантный мир это тот мир, где человек может не бояться быть человеком*» (определение); «*Россия – толерантное государство*» (констатация положения); человек той или иной профессии: «*Предприниматель должен иметь толерантность к рискам*» (прочее).

Также толерантность может соотноситься с идеологией: «*Либеральному обществу свойственно толерантное отношение к инакомыслию*» (определение). Упоминаний других идеологий, например, прогрессивизма или идеологий левого толка, связь толерантности с которыми мы обнаружили при анализе данных медиа-дискурса (Клычев, Хусейнов 2023: 123), в данном эксперименте не встретилось. Тем не менее оба наших исследования чётко показывают, что толерантность, или же интолерантность, как в случае с расизмом или национализмом, является составной частью тех или иных политических идеологий.

Однако чаще всего в качестве референтов субъекта проявления толерантности используются лексемы «человек» («Толерантный человек знает толк в воспитании» – прочее), «люди» («Толерантные люди – это цветы общества, среди сорняков» – ЦС), а также личные местоимения – особенно «я», как в реакциях группы ЛХ, реже «мы» («Мы должны быть толерантны к другим людям» – повествование) и «они» («Говоря так, они поступали толерантно» – повествование). Меньшая часть реакций говорит о толерантности государства, общества или части света. Та разветвленная классификация личностных и институциональных субъектов толерантности, которая была составлена нами на основе анализа данных медиа-дискурса (Клычев, Хусейнов 2023: 120), в реакциях респондентов представлена лишь отчасти.

То же самое верно и в отношении упоминаемых респондентами субъектов восприятия толерантности (СВ). При анализе медиа-дискурса мы использовали классификацию видов толерантности М.С. Мацковского, опирающуюся на признак, носителем которой является СВ (Клычев, Хусейнов 2023: 119). В данном эксперименте нам встретились упоминания сексуально-ориентационной («Толерантный человек никогда не оскорбит человека другой ориентации» – определение), межнациональной («Он был толерантен ко всем иностранцам, проживающим в этом городе» – повествование), религиозной («Толерантный в вопросах веры» – ОПС) и, что не отражено в классификации М.С. Мацковского, но присутствует в реакциях, мировоззренческой форм толерантности («Либеральному обществу свойственно толерантное отношение к инакомыслию» – определение).

Остальные же описания субъектов восприятия предельно абстрактны. Часто респонденты говорят о толерантности к людям, без упоминания об их принадлежности к той или иной социальной группе: «Я проявляю толерантность к людям». Ещё более абстрактно субъект восприятия толерантности описывается в следующих реакциях: «Мириться с чужим» (ОПС) или «Человек, который толерантный к “непохожим” на него, достоин называться личностью» (определение). В основе понятия «толерантность», как отмечается исследователями, лежит оппозиция «свой – чужой» (Биюмена 2021: 48). Актуализация лексемы «чужой» подтверждает, что в обыденном сознании эта оппозиция воспринята и усвоена. Вместе приведенные реакции говорят о том, что базовой характеристикой субъекта восприятия является некая «инаковость», отличающая его от субъекта проявления толерантности (СП).

Подобный характер референций, по сути не отражающих все многообразие форм толерантности, говорит опять же в пользу доминирования ценностного содержания понятия, приводящего в конечном итоге к тому, что для респондентов в, своем роде, диалоге с экспериментатором оказывается куда важнее выразить своё мнение, нежели описать само обсуждаемое явление.

Стоит также упомянуть то, о чём мы, основываясь на других исследованиях (Нагаева 2018: 191), уже отмечали в (Клычев, Хусейнов: 123): понятие «терпение» оказывает влияние на понятие «толерантность», наделяя его семантику элементом «негативности», из-за чего

толерантность начинает пониматься как необходимость «терпеть» что-то неприятное. В полученном нами ассоциативном поле мы вновь видим актуализацию слов «*терпеть*» и «*терпимость*», однако элементы дихотомии «хороший – плохой», лежащей в основе понятия «*терпимый*», не актуализированы. На основании этого можно сделать вывод, что в обыденном сознании изучаемое понятие, не испытывает значимого влияния со стороны концепта «терпение» или «терпимость», а потому и нельзя сказать, что в русской лингвокультуре семантика слова «*толерантность*» обладает каким бы то ни было значимым негативистским компонентом. Хотя «негативистское» понимание толерантности и отражено в реакциях («*В современном мире толерантный человек – это тот, кто обязан терпеть все, что угодно, иначе его назовут угнетателем чьих-то прав*» – определение), но является скорее маргинальным.

Общим как для медиа-дискурса, так и для обыденного сознания является соотнесение толерантности с понятием современности. Причём, в рамках АЭ мы это можем наблюдать чаще. В газетном подкорпусе НКРЯ мы обнаружили всего один случай, когда толерантность соотносилась с современностью: «*Бадминтон комфортный, толерантный и очень современный*». В ответах респондентов мы обнаруживаем следующую реакцию – «*Толерантность – тренд современности*» (КП). Но здесь же есть ряд реакций, в которых слово *современность* не упоминается, но само это понятие может быть реконструировано за счёт других лексических средств, например, «*Толерантность – необходимое качество личности двадцать первого века*» (ЦС); «*Толерантность – это часть нового поколения*» (определение); «*Сегодня очень модно быть толерантным к различным проявлениям всего, что выходит за рамка понятия “нормальный”*» (КП). Всего подобных реакций – 5.

Столь же характерным является соотнесение толерантности с чем-то иностранным. Это видно и по российской публицистике, в которой «...частотным является сочетание слова *толерантный* с существительными *Запад, Европа, европеец, Евросоюз, европейский*» (Клычев, Хусейнов 2023: 122), и по ответам ассоциативного эксперимента – «*Западная толерантность*» (ОПС). При этом есть лишь одна реакция, говорящая о толерантности в России: «*Россия – толерантное государство*» (КП). Таким образом, иностранное происхождение концепта «*толерантность*» фиксируется не только журналистами и филологами (Нагаева 2018: 186), но и обыденным сознанием.

В ассоциативном поле присутствуют две реакции, связывающие толерантность с воспитанием: «*Толерантность в человеке – это высшее проявление его воспитания, которое ценилось, ценится и будет цениться*» (ЦС) и «*Толерантный человек знает толк в воспитании*» (прочее). Согласно ним толерантность – это одновременно и следствие, и условие хорошего воспитания.

Большая часть ответов была получена от людей возрасте от 17 до 25 лет (41 ответ, 75,93%). Оставшиеся же 12 ответов распределены между людьми в диапазоне от 34 до 66 лет. В силу неравномерности распределения и отсутствия представленности некоторых возрастных групп провести анализ закономерностей ассоциативного восприятия в связи с

возрастом отвечающего не представляется возможным. Что же касается влияния половой принадлежности респондента на характер ответов, можно отметить два важных обстоятельства:

1. Реакций групп ЦС, ЛХ и ОП, в которых, как мы отметили выше, заявляется личная позиция отвечающего, среди женщин больше, чем среди мужчин – 59,46% (22 случая из всех 37 ответов, данных женщинами) против 47,06% (8 случаев из 17). Женщины, как видно, проявляют большую, чем мужчины, готовность говорить о собственном мнении.

2. Реакций, оценивающих толерантность как негативное явление, в процентном соотношении больше у мужчин, нежели у женщин – 23,53% (4 случая из 17) против 10,81% (4 случая из 37). Это подмечалось и в других исследованиях (Матюшина 2017: 184) и остается таковым и по сей день.

В заключении на основе сопоставления результатов нашего эксперимента, результатов свободных ассоциативных экспериментов, проведенных другими исследователями, и данных, полученных на основе анализа медиа-дискурса, можно сделать следующие выводы:

а) толерантность тесно связана с такими понятиями, как «*терпение*», «*уважение*» и «*воспитание*»; эта связь фиксируется во всех исследованиях и на различном материале, однако остается не вполне ясным, какое семантическое влияние лексема «*терпение*» оказывает на концепт «*толерантность*» и оказывает ли вообще;

б) структура понятия «толерантность» состоит из двух компонентов – ценностного (идеологического) и поведенческого (нормативного); результаты проведенного нами эксперимента демонстрируют, что ценностный компонент является для респондентов более важным;

в) в рамках поведенческой толерантности отдельно выделяется именно коммуникативный аспект;

г) толерантность, что ясно из приведенных примеров реакций, оценивается респондентами скорее положительно, причём в большей степени склонна к этому женская половина человечества;

д) в полученных реакциях в рамках проведенного нами эксперимента в качестве тех или иных элементов предложений актуализируются слова, которые встречались как однословные реакции САЭ других исследователей. Это ещё раз демонстрирует, во-первых, синтаксическую взаимосвязь реакций и стимула, а, во-вторых, диалогическую природу ассоциативного эксперимента; специфика стимула, по всей видимости, оказывает значительное влияние на характер диалога, например, на то описывают ли респонденты само явление или же говорят о своём отношении к нему.

ЛИТЕРАТУРА

Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2011. № 11. С. 6-9.

Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 265-275.

Биюмена А.А. Толерантность как коммуникативная и лингвокультурологическая категория // Polish Journal of Science. 2021. № 44-2(44). С. 47-49.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Издательство «Эйдос», 1996. С. 67-97.

Клычев А.А., Хусейнов Д.Д. Семантическое поле слова «толерантный» // XXV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета: Материалы конференции, Нижневартовск, 04-05 апреля 2023 г. Ч. 5. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2023. С. 118-124.

Краснова Е.А. Понятия «адвокат» и «прокурор» в восприятии носителей русского языка // Нижневартровский филологический вестник. 2023. № 1. С. 53-62.

Матюшина В.В. Ассоциативное поле ценности «Толерантность» как один из инструментов описания образа сознания носителей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2017. № 1(31). С. 174-187.

Михайлова О.А. Лингвокультурологические аспекты толерантности. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2015. 124 с.

Нагаева К.Э. Терпение, терпимость, толерантность в русской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 12(805). С. 186-196.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.

Тренина В.С. Психолингвистическое значение слова толерантность // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. Т. Вып. 8. Воронеж: Издательство Ритм, 2021. С. 85-89.

Чаптиева З.Ш. Толерантность в современном обществе // Современное образование: новые требования, новые возможности и новая ответственность: Сборник статей региональной научно-практической конференции (Буйнакск, 16 мая 2023 года). Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. С. 133-138.

REFERENCES

Arhipova, S.V. (2011). Associativny`j e`ksperiment v psixolingvistike. *Vestnik BGU. Yazyk, literatura, kul`tura*. № 11. С. 6-9.

Borisova, Yu.A. (2019). Associativny`j e`ksperiment v sovremenny`x psixolingvisticheskix issledovaniyax. *Psixologiya. Istoriko-kriticheskie obzory` i sovremenny`e issledovaniya*. Т. 8. № 1А. S. 265-275.

Biyumena, A.A. (2021). Tolerantnost` kak kommunikativnaya i lingvokul`turologicheskaya kategoriya. *Polish Journal of Science*. № 44-2(44). S. 47-49.

Karaulov, Yu.N. (1996). Tipy` kommunikativnogo povedeniya nositelya yazy`ka v situacii lingvisticheskogo e`ksperimenta. *E`tnokul`turnaya specifiika yazy`kovogo soznaniya*. M.: Izdatel`stvo «E`jdos». S. 67-97.

Kly`chev, A.A., & Xusejnov, D.D. (2023). Semanticheskoe pole slova «tolerantny`j» // XXV Vserossijskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy` konferencii, Nizhnevartovsk, 04-05 aprelya 2023 g. Chast` 5. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvenny`j universitet. S. 118-124.

Krasnova, E.A. (2023). Ponyatiya «advokat» i «prokuror» v vospriyatii nositelej russkogo yazy`ka. *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik*. № 1. S. 53-62.

Matyushina, V.V. (2017). Associativnoe pole cennosti «Tolerantnost`» kak odin iz instrumentov opisaniya obraza soznaniya nositelej russkogo yazy`ka. *Voprosy` psixolingvistiki*. № 1(31). S. 174-187.

Mixajlova, O.A. (2015). Lingvokul`turologicheskie aspekty` tolerantnosti. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un ta. 124 s.

Nagaeva, K.E`. (2018). Terpenie, terpimost`, tolerantnost` v russkoj yazy`kovej kartine mira. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarny`e nauki*. № 12(805). S. 186-196.

Petrenko, V.F. (2010). *Osnovy` psixosemantiki*. 3-e izd. M.: E`ksmo. 480 s.

Trenina, V.S. (2021). Psixolingvisticheskoe znachenie slova tolerantnost`. *Psixolingvistika i leksikografiya: sbornik nauchny`x trudov*. T. Vy`p. 8. Voronezh: Izdatel`stvo Ritm. S. 85-89.

Chaptieva, Z.Sh. (2023). Tolerantnost` v sovremennom obshhestve. *Sovremennoe obrazovanie: novy`e trebovaniya, novy`e vozmozhnosti i novaya otvetstvennost`*: Sbornik statej regional`noj nauchno-prakticheskoy konferencii (Bujnask, 16 maya 2023 goda). Maxachkala: Izdatel`stvo ALEF. S. 133-138.

© Хусейнов Д.Д., Коростелева Л.В., 2024